

составлялъ труппу для Нижняго, гдѣ имѣлъ свой собственный театръ, но Садовскаго туда взять не рѣшился, такъ какъ видѣлъ, что онъ, съ его талантомъ и средствами, слишкомъ хорошъ для провинціального театра и что ему мѣсто на столичныхъ сценахъ. Я доставлялъ ему случай бывать въ московскихъ театрахъ и наконецъ въ апрѣлѣ 1839 г., онъ дебютировалъ на московской сценѣ, будучи испытанъ постомъ того же года на пробномъ спектаклѣ.

Въ 1842 году дирекціи московская и петербургская соединилась. Съ новыми порядками и лица явились новыя. Изъ стариковъ остались только неразлучными мы трое: Степановъ, Никифоровъ, да я. Впрочемъ въ „Аскольдовой могилѣ“ съ 35-го года изъ прежнихъ остался теперь только я одинъ, Фарлафомъ: Степанова въ Вахрамѣевнѣ смѣнилъ Ермоловъ, а Вышату, вмѣсто Никифорова, играетъ Божа-новскій.

V.

Новая дирекція. Неудача. Поѣздка въ провинцію. Провинціаль-ные актеры.

При новомъ директорѣ дѣла мои шли не хуже. Гедео-новъ пріѣхалъ въ Москву. Назначенъ былъ дебютъ Нѣмчи-новыхъ. Для нихъ поставили водевиль „Дѣвушка—гусаръ“, въ которомъ была роль и у меня. Гедеоновъ сидѣлъ въ театрѣ и, какъ потомъ мнѣ говорили, хвалилъ игру мою. По открытіи театра, послѣ поста, мы играли „Комедию съ дядюшкой“. Гедеоновъ опять смотрѣлъ меня; послѣ воде-виля пришелъ ко мнѣ въ уборную и ласково сказалъ „Очень, очень хорошо“... На другой день давали „Стряпчаго подъ столомъ“. Я игралъ Жовіаля. Роль эта мнѣ всегда удава-лась и я особенно любилъ ее. Пьеса сошла хоть куда. Такъ какъ въ ней игралъ Леонскій, то мы пили на сценѣ настоя-щее шампанское. По окончаніи 1-го акта, Гедеоновъ при-шелъ на сцену, подошелъ къ столу, на которомъ еще стояло шампанское, налилъ два бокала, одинъ подалъ мнѣ, а дру-гой выпилъ самъ, говоря при этомъ „За твое здоровье. Хо-рошо“... Тутъ онъ былъ особенно ласковъ со мной и наго-ворилъ мнѣ много любезнаго. Выпадали въпрочемъ иной

разъ на мою долю и неудачи. Для одного моего бенефиса Аничковъ перевелъ драму „Фрегатъ Саламандра“. Пьеса эффектная, у меня большая роль: но, по нѣкоторымъ причинамъ, пьеса не понравилась московской дирекціи и не даютъ мнѣ ничего на костюмы и машины. Что дѣлать? А съ пьесой разстаться не хочется. Я подумалъ, подумалъ, да и рѣшился рискнуть. Сдѣлалъ на свой счетъ и декорации, и машины, и костюмы. Пошла моя пьеса, только не надолго. Разъ сыграли ее, да ужъ и не повторили; а декорации и костюмы прислали мнѣ назадъ. Такъ все и извелось у меня гдѣ-то на чердакѣ.

Давно хотѣлось мнѣ съѣздить въ провинцію и тамъ попытать счастья, да все какъ-то сначала не удавалось. Писалъ я въ Нижній къ содержателю тамошняго театра,—не получилъ отвѣта. У Кокошкина была фаянсовая фабрика и, для сбыта товара, онъ снялъ въ Нижнемъ лавку. По этому случаю онъ поѣхалъ туда самъ и взялъ меня съ собою. Это было, должно быть, въ 1834 году. Являюсь я, по пріѣздѣ, къ содержателю театра, Распутину. Какъ водится, рекомендую ему и предлагаю свои услуги, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: „извините-съ, не могу принять“... Ну, дѣлать нечего: такъ я ни съ чѣмъ и ушелъ отъ него. Была у Распутина одна танцовщица, Виноградова, воспитанница князя Юсупова. Скоро около этого времени долженъ былъ идти ея бенефисъ. Она обращается ко мнѣ и проситъ меня сыграть въ водевилѣ „Поцѣлуй по векселю“. Я, разумѣется, охотно согласился и бывалъ на репетиціяхъ. Наканунѣ спектакля, на послѣдней репетиціи, Распутинъ пришелъ и спрятался въ уголкѣ ложи посмотривъ на меня,—что я за звѣрь такой. Тогда я былъ еще очень молодъ, веселости мнѣ было не занимать: стать, на сценѣ былъ, какъ у себя дома; всѣ актеры, игравшіе со мною, пришли въ восторгъ. Кончилась репетиція, Распутинъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Василій Игнатьичъ, пожалуйста на минутку ко мнѣ“. Я пошелъ за нимъ въ его кабинетъ, онъ посадилъ меня и сказалъ: «Поиграйте ужъ и у меня. Сыграйте шесть спектаклей, получите бенефисъ», Я согласился. На другой день въ бенефисъ Виноградовой театръ былъ биткомъ набитъ, билеты раскупались на расхватъ. Принимали меня отлично, съ шумомъ и гвалтомъ; выходъ же у меня былъ эффектный. Ко-

кошкинъ послѣ сказалъ мнѣ: „Славно вышелъ“. Водевильи совсѣмъ почти не шли на Нижегородскомъ театрѣ, а при мнѣ поставили ихъ нѣсколько; между прочимъ игралъ я въ водевиляхъ: «Двѣ Маргариты», «Споръ до слезъ, а объ закладъ на бейся», «Два мужа», «Сонливый и проказникъ» и др. Съ бенефиса получилъ слишкомъ 4,000. Распутинъ видитъ, что публикѣ по вкусу пришелся, и тутъ же пригласилъ меня къ себѣ на слѣдующій годъ. На третій годъ я хотѣлъ было ѣхать въ Харьковъ, куда меня звалъ Молотковскій, да Распутинъ сталъ давать мнѣ бенефисъ и по ступрублей (по тогдашнему ассигнаціями) за спектакль. Это для меня было не безвыгодно, потому что сборы на бенефисахъ я дѣлалъ хорошіе и такимъ-то образомъ ѣздилъ я въ Нижній. Мои роли на Нижегородскомъ театрѣ занималъ М. П. Соколовъ, который очень нравился публикѣ и слылъ даже за второго Живокини. Въ 1838 г., сколотившись деньжонками и признавъ кое-гдѣ, я купилъ Нижегородскій театръ за 80,000. Мнѣ хотѣлось привести его въ порядокъ, поддерживать, а такъ какъ жить постоянно въ Нижнемъ я самъ не могъ, то и предоставилъ распоряжаться и надсматривать за театромъ старшему брату моему; далъ ему даже довѣренность. Въ теченіе перваго года дѣла наши шли очень порядочно, такъ что мы успѣли уплатить 20,000 долга. На второй годъ къ счастью труппы я поѣхалъ въ Пензу. Въ это время братъ продалъ театръ Кологривову. Тѣмъ мое антрепренерство и окончилось. Съ долгами же я расквитался послѣ. Дружба меня связывала съ гг. Н. И. и И. И. Ч—выми и С. С. М—выми, которые мнѣ и помогли въ этомъ случаѣ, за что, конечно, я всю жизнь буду имъ благодаренъ. Шекспиръ говоритъ: «Самъ не бери, и не давай въ займы, то и другое ведетъ къ разрыву дружбы», а насъ деньги не поссорили, а еще болѣе скрѣпили наши дружескія отношенія. Съ тѣхъ поръ я сталъ каждый годъ ѣздить по провинціямъ и объѣхалъ почти всю Россію; не былъ только въ Тифлисѣ, Архангельскѣ и Смоленскѣ. На провинціальныхъ сценахъ встрѣчалъ я многихъ даровитыхъ актеровъ. Особенно поразилъ меня Рыбаковъ. Возвратясь разъ изъ отпуска, я сказалъ о немъ Загоскину, который перезывалъ его въ Москву, послалъ ему даже и денегъ на переѣздъ; но Рыбаковъ не пріѣхалъ. Славились такъ же изъ

провинціальныхъ актеровъ Головинскій и Бобровъ, какъ пѣвцы: оба они играли въ Казани. Загоскинъ, узнавъ о нихъ, поручилъ мнѣ пригласить ихъ, тѣмъ болѣе, что Бантышевъ въ это время хотѣлъ сойти со сцены. Но они, привыкшіе къ жизни провинціальныхъ актеровъ, отказались отъ приглашенія. За то ужъ и насмотрѣлся же я во время этихъ разъѣздовъ всякой всячины. Знавалъ я такихъ актеровъ, съ которыми и играть-то было вовсе нельзя. Былъ, напри- мѣръ, въ Одессѣ актеръ Соленикъ. Талантъ былъ у него огромный, но ролей онъ никогда не училъ. Выйдетъ бывало на сцену и начнетъ всю роль своими словами говорить, су- флера не слушаетъ, о репликахъ и знать не хочетъ: дер- жить только въ головѣ ходъ дѣла по пьесѣ. И какъ-то все это сходило съ рукъ ему. Сашенька Шубертъ, я помню, часто плакала отъ этого Соленика. Въ провинціи мнѣ счастли- вилось также, какъ и въ Москвѣ. Вездѣ меня любили и съ удовольствіемъ смотрѣли, вездѣ привѣтливо встрѣчали, какъ стараго знакомаго, и провожали съ благодарностью, Поэтому то и по сію пору мнѣ еще не наскучили эти разъ- ѣзды по провинціи и рѣдкое лѣто усижу я въ Москвѣ.